

ИСТОРИКИ ИЗ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО В СОВЕТСКОЙ ДИССЕРТАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ¹

Статья посвящена становлению советской диссертационной системы (1930-е гг.). В основе авторской гипотезы находится представление о том, что советская диссертационная система выросла из дореволюционного опыта присуждения ученых степеней. Апробация гипотезы осуществлена на примере диссертационных историй М.Д. Присёлкова и А.И. Андреева – историков, чье вхождение в научное сообщество началось в досоветский период, а достижение высшей ученой степени доктора наук произошло на рубеже 1930–1940-х гг. Научные пути историков позволяют не только оценить степень преемственности/разрыва советской диссертационной системы по отношению к дореволюционному опыту, но и проследить формирование и обновление научных концепций историков в области источниковедения.

Ключевые слова: советская историческая наука, М.Д. Присёлков, А.И. Андреев, докторская диссертация, диспут, источниковедение

Предмет исследования и ретроспективный взгляд на персоналии

Предметом статьи являются защиты докторских диссертаций хорошо известных в историографии петербургских/ленинградских историков – Михаила Дмитриевича Присёлкова (1881–1941) и Александра Игнатьевича Андреева (1887–1959). Цель статьи состоит в изучении персонального опыта защит диссертаций в довоенный период существования советской диссертационной системы. Реализуя целевые установки, авторы не могут обойтись без вхождения в предваряющую тему, характеризующую траектории научных путей этих ученых, которые формировались в контексте дореволюционной научной культуры, а завершали научную деятельность в советский период российской истории защитами докторских диссертаций. Оба историка получили профессиональную научную подготовку и специализацию под руководством виднейших дореволюционных ученых Петербургского университета, заложивших основы источниковедческих исследований. Присёлков по окончании им университета в 1903 г. был, по университетской терминологии, «оставлен для подготовки к профессорскому званию» С.Ф. Платоновым по кафедре русской истории. Но, испытывая интерес к церковно-политической истории и историческим источникам средневековой Руси, он стал учеником филолога-лингвиста и историка русского летописания академика А.А. Шахматова².

А.И. Андреев в силу ряда жизненных обстоятельств поступил в университет в 1909 г. и формировался как ученый в школе русской дипломатики частных актов академика А.С. Лаппо-Данилевского. Вто-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект № 22-28-00557 «Диссертационная культура научного сообщества советских историков 1920-1950-х гг.: адаптация дореволюционного опыта и поиски новой модели подготовки ученых».

² Лурье 1996: 5.

рым своим учителем он считал А.Е. Преснякова, утвердившего методологический принцип приоритета источника как основы концептуальных построений историка. После окончания университета оба выпускника выбрали путь научной деятельности. Герои представляемой статьи глубоко чтили своих учителей, безвременно ушедших из жизни в революционное лихолетье, и были последователями их научных идей.

Публикации первых научных статей Присёлкова, посвященных истории Александро-Невской лавры во времена Петра I и описанию ее архива, относятся к 1903 г. Но будучи нацеленным на создание магистерской диссертации, историк в последующие годы сосредоточивается на ее подготовке. В 1913 г. он публикует, а в 1914 г. защищает свой труд, будучи уже в 33-хлетнем возрасте³.

Его первая диссертация «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв.», затрагивавшая историю Киево-Печерского монастыря и русско-византийские отношения, имела некоторый источниковедческий подтекст, впрочем – имплицитно выраженный. Диссертационный диспут проходил в форме бурной дискуссии⁴. Вскоре по совету Шахматова Присёлков исследовал коллекции ханских ярлыков, включенных в тексты летописей, представив их анализ как исторических источников в монографии «Ханские ярлыки русским митрополитам» (СПб., 1916). Эта работа усилила его источниковедческую специализацию. С 1917 г. Присёлков работал в Петроградском университете доцентом, потом – профессором и оставался активистом в поле научно-исследовательской и публикационной деятельности до конца 1920-х гг.

Путь в науку Андреева, участника известного студенческого кружка по дипломатике частных актов, начался с 1913 г., когда он по рекомендации А.С. Лаппо-Данилевского был включен в археографическую деятельность Постоянной исторической комиссии Академии наук, готовившей к публикации сборники актовых источников⁵. В этом же году он вошел в группу студентов, оказывавших помощь американскому историку и архивисту Ф.А. Голдеру (1877–1929). Голдер приехал в Россию для сбора архивных материалов о В.И. Беринге и его знаменитых Камчатских экспедициях, положенных потом в основу его двухтомного исторического труда⁶. На эту работу Голдера Андреев будет не раз ссылаться в докторской диссертации. Воспроизводя его фамилию как «Гольдер», Андреев позднее писал – уже готовя к изданию вторую часть своей докторской диссертации: «Сотрудники проф. Гольдера, студенты-историки Петербургского университета проделали в 1913-1914 гг. большую работу по обследованию петербургских архивных хранилищ того времени». Он подчеркнул, что результаты обследования

³ Присёлков 1913.

⁴ Магистерский диспут 1914: 133-139; Лурье 1996: 8-9; Вовина-Лебедева 2011: 303-308.

⁵ Сербина 1985: 357.

⁶ Golder 1922-1925.

«дали ценные сведения для “Путеводителя”», составившегося Голдером. Одновременно Андреев отметил, что многие документы, в силу отсутствия в архивах того времени необходимых описей и каталогов, в «“Путеводитель” американского историка не вошли»⁷. Участие Андреева в поисковой работе архивных материалов, стало, по-видимому, стартовым моментом, оказавшимся впоследствии актуальным опытом для разработки им самим проблем истории освоения Сибири.

А.И. Андреев окончил университет лишь в 1916 г. – в 29-летнем возрасте. Его научный дебют в виде солидной рецензии на публикацию одного из сборников актовых источников состоялся в ЖМНП в 1915 г. В год окончания университета он опубликовал две статьи в сборнике, посвященном А.С. Лаппо-Данилевскому. Одна, основанная на свидетельствах самого Андреева, была посвящена истории кружка по дипломатике, созданного Лаппо-Данилевским. Другая – анализу коллекции отступных грамот, её содержание свидетельствовало о высоком профессионализме молодого историка, прошедшего школу основательной источниковедческой выучки⁸. Активно работая в кружке Лаппо-Данилевского, непререкаемый научный авторитет которого для Андреева был очевиден, он одним из первых встал на путь сохранения научного наследия учителя, подготовив к изданию и выступив редактором его рукописного труда «Очерки русской дипломатики частных актов» (1920).

Творческая активность историка не прерывалась до конца 1920-х, в течение которых появляются отдельные статьи, уже отмеченные «сибирским» акцентом в их научной проблематике⁹.

Д.М. Присёлков и А.И. Андреев в контексте советских политических реалий довоенного времени

Оба историка пережили в конце 1920-х–1930-е гг. политические репрессии (лагерь и ссылку), но нашли в себе силы продолжить научную и преподавательскую деятельность. Оба вернулись в Ленинград в середине 1930-х гг. Погружение в атмосферу исследовательской работы нередко спасало ученых тех лет от суровых обстоятельств бытия. Каждый из них по-своему перенес тяготы репрессий и их психологические последствия.

Известно, что Присёлков, впервые переживший кратковременный арест еще в 1922 г., в 1930 г. был отправлен по первоначальному приговору в Соловецкий лагерь на 10 лет. На совет Д.С. Лихачева, отбывавшего срок здесь же, идти работать в лагерьный музей Присёлков ответил: «Я попал за занятия историей и больше ею заниматься не буду»¹⁰. Впоследствии первичный приговор был заменен 5-летней ссылкой.

Присёлков лишь после 10-летнего молчания, начавшегося с конца 1920-х г., возобновил публикационную деятельность, издав в 1938 г.

⁷ Андреев 1965: 56-57.

⁸ Андреев 1916: 1-7; 131-181.

⁹ Преображенский 1979; Сербина 1985: 357-363; Медушевская 2008а: 312-326.

¹⁰ Лихачев 1993: 45; Лурье 1996: 12.

учебное пособие «Курс русской палеографии» и ряд статей. Длительный перерыв в научной работе Присёлкова объясняется не только удрученным психологическим состоянием историка, но и пропажей рукописных текстов научных работ при его аресте. Наряду с рукописным вариантом книги о Троицкой летописи, исчезла и рукопись задуманной им докторской диссертации. Историк вынужден был писать ее заново¹¹.

В 1930-е гг. основные силы Присёлкова были положены на восстановление текста диссертации по истории русского летописания. Ослабленное лагерем и ссылкой здоровье не позволило реализовать всех творческих планов. Вскоре после защиты диссертации – в январе 1941 г. он ушел из жизни. Защита докторской диссертации стала для Присёлкова финалом творческого пути. С.Н. Валк, являвшийся одним из его оппонентов, отметил в некрологе, что историк «умер в расцвете творческих сил». Некролог Валка являлся не только первым откликом на смерть ученого, но и отличался глубиной и точностью аналитических оценок его научного творчества. Личность и деятельность Присёлкова с учетом идей защищенной им докторской диссертации, оцененной как «выдающееся произведение советской историографии», были представлены Валком в контексте истории Санкт-Петербургской/Ленинградской ветви русской историографии¹².

Научная деятельность Андреева, судя по списку его публикаций¹³, также приостановилась на время ссылки – с 1930 по 1935 г. Но Андреев, обладая твердым и непримиримым характером, имея большой опыт преодоления жизненных невзгод, быстрее адаптировался к ситуации, никогда не собираясь порывать с наукой. Проблемы Русского Севера, как предтеча темы будущей диссертации, занимает уже с 1922 г., когда он публиковал две статьи в сборнике «Очерки по истории колонизации Севера». Можно полагать, что обстоятельства сибирской ссылки историк сумел использовать в своих интересах. Работая в первой половине 1930-х гг. в различных учреждениях г. Енисейска, в т.ч. в Енисейском районном музее, он, вероятно, сформировал очертания своего научного замысла по изучению Сибири. О.М. Медушевская, ученица Андреева, прямо свидетельствовала, что именно в ссылке у него возникла идея создания будущих «Очерков по источниковедению Сибири»¹⁴.

Находясь в Сибири, А.И. Андреев пытался погрузиться в проблемы освоения этого региона, интересуясь и современным состоянием его природных ресурсов. Весной 1935 г. им в газете «Красноярский рабочий» был опубликован материал о полезных ископаемых в Енисейском районе. По возвращении в Ленинград Андреев в октябре этого же года продолжил эту тему, опубликовав в газете «За большевистские темпы» статью «Поиски полезных ископаемых в Енисейском районе», подго-

¹¹ Вовина-Лебедева 2011: 322.

¹² Валк 1941: 156.

¹³ Список 1958: 496а–501.

¹⁴ Медушевская 2008-а: 314.

товленную, как следует из пояснения к ней – «по данным ленинградских архивов». Тему «полезных ископаемых», вероятно начатую еще в ссылке, он по собственной инициативе завершал «на свободе», подкрепив свой материал архивными документами. Как ни парадоксально, сибирская ссылка и газетные заметки стали своеобразной точкой опоры для его возвращения в науку и окончательного научного самоопределения.

Симптоматично обращение Андреева к изучению деятельности В.Н. Татищева – вскоре после возвращения. Уже в 1936 г. он публикует в «Советской этнографии» статью «Труды и материалы о Сибири В.Н. Татищева». Известный историк А.А. Преображенский, сам изучавший процесс освоения Урало-Сибирского региона, также высказал предположение, что, находясь в Енисейске, Андреев собирал материалы по истории Сибири. Этим объяснялся «стремительный взлет исследовательского таланта» историка после его возвращения в Ленинград¹⁵.

Будучи знатоком фондов различных архивов, А.И. Андреев работал очень интенсивно, погружившись, прежде всего, в изучение документальных архивных коллекций. Главным делом для него становилась тема освоения Сибири, которую он начал исследовать сквозь свой оригинальный источниковедческий окуляр. Очевидно, основные усилия он предпринимал для разработки архивных фондов и изучения источников XVII – первой половины XVIII вв. (прежде всего, картографических материалов), позволяющих исследовать поистине монументальную историю географических открытий и одновременного процесса изучения и освоения восточных территорий Большой России. Но изначально его интерес был сосредоточен на результатах деятельности конкретных личностей, причастных к исследованию Сибирского региона.

Уже в 1937 г. он вместе с С.В. Бахрушиным, также вернувшимся из ссылки (1931–1933 гг.), начинает реализовывать часть «сибирского проекта» в виде публикации «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера. Для 1 тома этого издания Андреевым был написан очерк «Труды Г.Ф. Миллера о Сибири», дан обзор рукописей историка, составлена существенная часть примечаний к публикуемому труду. В 193–1939 гг. появляются его статьи о С.У. Ремезове и С.П. Крашенинникове. Эти и подобные публикации составляли отдельные «детали» обширного по хронологии и сюжетным линиям замысла, который он частично реализовал в докторской диссертации.

В 1940–1950-е гг. Андреев продолжил поиски архивных документов, уточняя детали сибирских экспедиций и расширяя хронологический диапазон исследования. В частности, потрясающе выглядит реализованный им проект по изучению «русских открытий» в Тихом океане и Северной Америке. Он полагал, что «очередной задачей исторической науки в этой области» является «выявление и обзор сохранившихся материалов, относящихся к истории островов Тихого океана,

¹⁵ Преображенский 1979: 116.

Аляски, Калифорнии и Северо-Западной Америки». Обрисовывая контуры своего обширного плана, Андреев особо подчеркивал потенциал информационных ресурсов отечественных архивов¹⁶. Часть архивных документов на заданную тему Андреев опубликовал в исследовании о русских открытиях, что не могло не привлечь внимания за рубежом: в английском переводе книга была издана в США¹⁷.

Работа над усовершенствованием и переизданием уже защищенной докторской диссертации продолжалась до конца жизни Андреева. Но в целостном виде задуманный им проект, ориентированный на изучение документальной основы истории освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII – XIX вв. до конца реализовать не пришлось. Это особо подчеркивал В.К. Яцунский при переиздании первой части диссертации Андреева, отмечая наличие целого блока рукописей историка, которые могли бы лечь в основу издания отдельного сборника его неопубликованных статей. Яцунский полагал, что в него могли быть включены и ранние работы Андреева, «рассеянные по многочисленным периодическим изданиям»¹⁸.

Докторские защиты М.Д. Присёлкова и А.И. Андреева: диссертации соискателей и оппоненты

Защита диссертации М.Д. Присёлкова «История Русского летописания XI-XV вв.», была организована 17 июня 1939 г. советом исторического факультета Ленинградского университета¹⁹. Защита диссертации А.И. Андреева «Очерки по источниковедению Сибири» состоялась 4 октября 1940 г. в Институте истории АН в Москве. Присёлков к защите представил машинописный текст диссертации, вскоре изданной им в виде книги (1940), а много позднее переизданной по инициативе С.Я. Лурье – его ученика и редактора нового издания²⁰. Андреевым к 1939 г. была опубликована первая часть диссертации в виде отдельной книги по XVII веку²¹. Машинописная часть диссертации, посвященная первой половине XVIII в., дорабатывалась им длительное время в целях издания, и была опубликована уже после смерти автора²².

Докторская защита М.Д. Присёлкова

Несмотря на пережитые потрясения, Присёлкову удалось вернуться к научной деятельности. На момент защиты в составленном им списке научных трудов значилось 40 работ. В список, кроме того, вошло 10 рукописей (среди них указывался и труд по реконструкции Троицкой летописи, сданный им в 1938 г. в Институт истории АН СССР)²³.

¹⁶ Андреев 1948: 6-7.

¹⁷ Яцунский 1960: 9.

¹⁸ Яцунский 1960: 12.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 1-33.

²⁰ Присёлков 1996.

²¹ Андреев 1939/1940. Заметим, что на обложке издания значится 1940 г., а на внутреннем титуле – 1939.

²² Андреев 1965.

²³ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 6-8 об.

Диссертационное дело, кроме стандартных документов биографического характера о соискателе и стенограммы защиты содержит рукописный текст его тезисов по диссертации²⁴. Но классический формат «тезисов», принятый еще в практике дореволюционных диспутов и сохраненный в опыте защит диссертаций 1930-1940-х гг., в его случае был специфичным. Присёлков, по сути, представил не тезисы, а целостное изложение неких итогов изучения истории русского летописания с акцентами на вклад А.А. Шахматова в этот процесс и на собственные представления о летописной традиции изучаемого им периода. Текст тезисов напоминал скорее речь соискателя на защите диссертации²⁵.

В стенограмме зафиксировано официальное выступление Присёлкова, открывавшее защиту. Отметим, что и оно выходило за границы принятого канона презентации содержания диссертации. Присёлков не стал излагать свои идеи и выводы по заявленной теме, полагая, вероятно, что основная часть присутствовавших на защите лиц (в том числе, многочисленных студентов) знакома с ними по его лекционному курсу.

Выступление соискателя было выполнено в автобиографическом жанре и проникнуто ностальгическим настроением. Главным героем речи стал А.А. Шахматов. На основе ее текста можно уточнить время первых контактов Присёлкова с Шахматовым: 1905 год становится рубежом в научной биографии историка. Именно тогда соискатель при подготовке к магистерскому экзамену обратился к Шахматову с вопросами по теме «Повесть временных лет как исторический источник». Шахматов не только «очень охотно» обсуждал с ним вопросы по истории ПВЛ и дал «нужные указания», но и снабдил Присёлкова отписками своих статей на эту тему²⁶. Восхищаясь научной целеустремленностью, высокой самодисциплиной и работоспособностью Шахматова, его личностными качествами как человека и ученого с самой высокой репутацией, Присёлков позиционировал себя как его ученика и продолжателя научного метода. Особо он подчеркнул тот факт, что именно по «указанию и совету» учителя приступил к реконструкции Троицкой летописи.

С душевным подъемом и метафоричностью Присёлков характеризовал особенности этого памятника. Троицкая летопись предстала «мощным водоемом, куда стекались все реки местного русского летописания XIV в.». Он подчеркивал значение воссоздания им утраченной летописи: «Только взявшись за эту работу, я вошел в подлинное изучение летописных текстов, усвоил приемы этого изучения...»²⁷, отсюда следовала мысль, что его собственная книга-диссертация о русском летописании вытекала именно из опыта реконструкции Троицкой летописи. Расставляя акценты относительно особенностей научных задач, решаемых Шахматовым и им самим в изучении летописания, Присёлков

²⁴ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 9-14.

²⁵ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 35-41 об.

²⁶ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 35 об.-36

²⁷ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 37об.

определил различавшиеся роли своему учителю и себе, как его ученику. По его версии, Шахматов, исходивший из цели установления первоначального текста «Повести временных лет», подчинил данный источник своей «грандиозной задаче <...> изучения и анализа всех известных летописных текстов». Совокупный итог трудов Шахматова преподносился Присёлковым как «первоклассный материал для опыта построения истории русского летописания, т.е., для трактовки летописных текстов как исторического источника». Подчеркивал он текстологические и литературоведческие цели учителя при работе с летописями: «...у А.А. Шахматова вопросы текста и истории текста составляли основную и главную задачу изучения, а построения по истории летописания носили литературоведческий уклон...»²⁸.

Свою собственную задачу Присёлков формулировал иначе – как интерпретацию, по его словам – «трактовку» летописей, относимых им к памятникам «политической жизни древности». Одновременно он подчеркивал использование текстологического и литературоведческого подходов к их изучению. Презентацию собственного опыта историк завершил самокритичным признанием: «Совершенно открыто и искренне считаю свой опыт далеким от безупречности <...>. Много здесь и недоработано, и далеко не безукоризненно»²⁹.

Отдельным сюжетом речи Присёлкова на защите стали вопросы «о неудовлетворительном использовании летописных текстов как исторического источника в дворянской и буржуазной историографии». Определяя новые пути изучения летописей Присёлков затронул политически актуальную тогда тему о «несчастных ошибках М.Н. Покровского»³⁰. Этот, несколько неожиданный для проблематики защищаемой диссертации поворот выступления Присёлкова, можно расценивать по-разному. Учитывая пережитый им репрессивный опыт, Присёлков этим пассажем и фактом своей докторской защиты как бы дополнительно реабилитировал себя. Ссылаясь на «известную» работу Покровского «История с древнейших времен»³¹, Присёлков обвинял его в неприемлемых методах толкования древнерусской истории, основанных на эклектичном заимствовании идей и фактов из наследия дореволюционной исторической науки. Указанный труд Покровского (и не только его, замечал диссертант) в понимании Присёлкова создавался по определенной схеме: автор/авторы «использовали результаты старой дворянской и буржуазной историографии... как дело весьма легкое и простое: стоит только взять <...> курс Ключевского и тома «Истории» Соловьева и перестроить их изложение по-марксистски»³². Критикуя метод Покровского,

²⁸ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 38об-39.

²⁹ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 39.

³⁰ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 39.

³¹ Так в тексте его выступления. Вероятно, имелась в виду «Русская история с древнейших времен».

³² ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 39об.

Присёлков не считал его самостоятельным ученым-исследователем, в лучшем случае оставляя за ним амплу популяризатора истории.

В то же время в выступлении на защите не обошлось без попыток Присёлкова встроиться в новый политический контекст бытования науки. Трудно сказать, насколько искренно, не принимая линию Покровского, Присёлков говорил о «коренной задаче» современной ему историографии источниковедения, утверждая: «пересмотр источников с точки зрения марксистско-ленинской методологии непременно заставит источники заговорить по-новому, заставит их дать нам новые факты и наблюдения, углубит их понимание»³³.

Основная часть выступления Присёлкова завершалась коротким историографическим пассажем о вкладе дореволюционных историков Петербургского университета в изучение летописей – И.И. Срезневского, К.Н. Бестужева-Рюмина, А.Е. Преснякова. Назвал он и имена современников, с кем связывал перспективы развития этой области источниковедения. К ним он отнес Н.Ф. Лаврова и своего ученика А.Н. Насонова³⁴. Заметим при этом, что Лавров являлся критиком методов Шахматова. Насонов, который в 1944 г. защитит докторскую диссертацию по летописанию XI-XVIII вв., не по всем позициям будет разделять взгляды своего учителя³⁵. В эмоционально окрашенном заключительном слове Присёлков подчеркнул «традицию нашего факультета в деле изучения исторического источника вообще и в деле изучения летописных текстов как исторического источника, в частности...». Он выражал надежду, что «нам, уходящим» придут на смену «молодые советские кадры», которые будут, «талантливее, ярче и лучше нас продолжать это изучение». Перед большой аудиторией, существенную часть которой составляли студенты, Присёлков объявил, что свой докторский труд он посвящает студенчеству исторического факультета Ленинградского университета³⁶. Выступление завершилось под «бурные продолжительные аплодисменты».

Оппонентами историка выступили его коллеги – историки С.Н. Валк, Б.Д. Греков, филолог-лингвист С.П. Обнорский. Последний из них, как и сам Присёлков, представлял школу Шахматова. В определенной мере назначение оппонентов в это время соответствовало еще дореволюционной практике: среди них не было приглашенных специалистов из других научно-образовательных учреждений.

Все оппоненты Присёлкова имели причастность к источниковедческой проблематике, но никто из них не был непосредственным специалистом в изучении летописания. Отзывы Валка (машинопись) и Обнорского (рукопись) представлены в деле отдельными текстами. Обнорский на защите по каким-то причинам не был. Греков предварительного текста выступления не представлял. В стенограмму вошли

³³ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 39об.

³⁴ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 40-40об.

³⁵ Вовина-Лебедева 2011: 545-584; 680-737.

³⁶ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 40об.

выступления Грекова и Валка. Отдельные замечания от Обнорского и Грекова не касались основной концептуальной версии Присёлкова, Валк также не стал погружаться в детали «спорных мест» диссертации, заметив, что характерные для изучения летописей гипотетические построения могут получить уточнение только в результате дальнейших исследований. Не посчитал он серьезным изъяном и «основания» используемой Присёлковым периодизации истории русского летописания³⁷. Греков сосредоточил внимание лишь на тех деталях, которые его интересовали лично как исследователя, но не касались основного предмета диссертации. Обнорский, будучи специалистом в истории русского языка и лексикографии, существенное внимание уделил сюжетам диссертации, которые связаны с попытками Присёлкова опереться на лингвистические методы при изучении летописных текстов. Без всяких сомнений со стороны оппонентов Присёлков был признан достойным продолжателем А.А. Шахматова и рассматривался как ведущий на тот период историк в области изучения летописей.

После оппонентов в соответствии с традициями еще дореволюционных диспутов «из публики» выступил антиковед и знаток эпиграфики, историк С.А. Жебелёв. Он еще в 1935 г. написал известную записку о досоветском опыте защит диссертаций³⁸. Историк выразил радость по поводу возвращения старых университетских норм сложившегося ритуала защиты, с досадой подчеркивая, что многие сверстники диссертанта получили ученую степень «не по диспуту», а по «совокупности трудов». Намекая на случаи, когда диссертации проходили и «всякими незаконными способами», он признавал защиту Присёлкова как «отраднейший факт в жизни нашего университета и жизни советской науки»³⁹. Его ключительные слова сопровождалось «бурными аплодисментами».

После объявления положительных результатов голосования с поздравлением Присёлкова от кафедры истории СССР выступил Б.Д. Греков, а от студентов с букетом в руках и словами благодарности Присёлкову взял слово «от научного студенческого кружка» – «студент, тов. Альшиц». Впоследствии, пройдя войну, в 1947 г. Даниил Натанович, оставаясь в пространстве изучения русской летописной традиции, защитил кандидатскую диссертацию о приписках к лицевым летописным сводам XVI в. По драматическому сценарию схождения научных интересов и жизненных ситуаций двух ученых разных поколений сложится послевоенная судьба этого историка. И его не минует «исправительный лагерь», но уже послевоенного времени.

Докторская защита А.И. Андреева

Состав личного фонда историка, в котором отложились материалы, связанные с защитой диссертации историка, позволяет раскрыть общий сценарий диссертационного события и основное содержание оппонент-

³⁷ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 20.

³⁸ Жебелёв 2002.

³⁹ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 58об.

ских выступлений. Источниковедческая по характеру заявленной темы диссертация Андреева (а иной она у ученика Лаппо-Данилевского не могла быть по определению!) требует специального погружения в понимание смысла ее названия и некоторой «расшифровки» авторской позиции относительно задач и методов предложенного научного проекта. В отличие от диссертации Присёлкова, проблематика которой уже на рубеже XIX–XX вв. прочно вошла в контекст российского источниковедения, докторский труд Андреева был обращен к слабо разработанной в то время истории Сибири, абсолютно не изученной с источниковедческой точки зрения. Несомненно, Андреев выступал первопроходцем заданной им проблематики, вполне осознавая эту свою роль.

Название защищаемой работы сейчас вызвало бы некоторые вопросы. Уже отнесение ее к жанру «очерков» может смутить. Почему не имелось в виду «исследование» или «монография»? Следующие вопросы – к словосочетанию названия диссертации – «...по источниковедению Сибири». Может быть, точнее было бы «...по источниковедению истории Сибири»? Предстоит понять автора в его источниковедческом замысле и способах его реализации.

Содержание диссертации предстает в виде сложной конструкции, при помощи которой автор стремился решить систему задач. Но в небольшом предисловии изданной первой части диссертации (1939/1940) он обосновывает свой подход довольно лаконично. Во-первых, связывает его с необходимостью «осветить по-новому историю народов СССР». Во-вторых – с задачами «полного учета исторических источников, необходимых для составления истории народов [Сибири] в изучаемый им период, <...> которыми до 1917 г. почти совсем не занимались»⁴⁰. В этой позиции просматривается опыт археографических занятий историка. Заметим: в его диссертации нет каких-либо специальных пассажей относительно обоснования методологии источниковедения или обобщения особенностей основного комплекса источников, составившего базис его работы. Машинописный текст второй части диссертации был сдан в набор в 1940 г., но подписан к печати в июле 1941 г., не был издан в ситуации начавшейся войны⁴¹.

Из краткого авторского Предисловия следует, что в связи с «не разобранностью» архивных фондов по истории Сибири (прежде всего – «Сибирского приказа») ему пришлось использовать лишь доступные для исследователя материалы. Характерно первое предложение Предисловия: «Архивные материалы о Сибири XVIII в. малоизвестны»⁴².

В центре его внимания оказалась документальная коллекция по истории Второй Камчатской экспедиции, отложившаяся в архивохранилищах Москвы и Ленинграда. Предметом изучения стала деятельность когорты выдающихся участников академической группы экспе-

⁴⁰ Андреев 1939: 3-4.

⁴¹ Андреев 1965: 3-5.

⁴² Андреев 1965: 8-10.

диции, отдельные очерки о которых появлялись еще до защиты диссертации. Научные материалы экспедиционных отрядов по географии, истории и этнографии Сибири, собранные «почтенными работниками» Академии наук, их переписка, составили основу источникового комплекса. Но базовую группу источников, несомненно, образовали картографические материалы (по терминологии Андреева – «географические источники»), активно создававшиеся с различными целями представителями административных и академических структур.

Географическая карта этой эпохи, попадая в жесткое поле научной и политической конкуренции, становилась объектом особого внимания не только представителей ведомств и ученых их создававших, но также оказывалась в пространстве внешнеполитических интересов стран, граничивших с Россией. Аспекты подобных наблюдений Андреева актуализируются свидетельствами о деятельности зарубежных ученых, работавших в Российской академии наук.

Представленные Андреевым тезисы диссертации позволяют уточнить структуру тематических линий диссертации, акцентировать аспекты, связанные с определением ее задач и выявить оценочные суждения историка относительно различных групп источников⁴³. Подчеркивая значение «географических источников» Андреев зафиксировал: «Из источников XVII века следует, прежде всего, остановиться на источниках географических, из них наибольшее значение имеют чертежи и росписи к ним». По его наблюдениям основу изучения географии Сибири применительно к XVII в. составляли, кроме того – писцовые, дозорные и ясачные книги. Отдельную группу источников представляли сибирские летописи. Имеющиеся на то время версии происхождения и интерпретаций их содержания он рассматривал как еще не решенную, но предстоящую для глубокого изучения отдельную задачу. Проблемно-тематический блок сибиреведения дополнялся им трудами по географии Сибирского региона, созданными Ю. Крижаничем, Н.Г. Спафарием, С.У. Ремезовым. Один из основных выводов Андреева об изучении освоения сибирского региона XVII в. был сформулирован отдельным пространственным тезисом: «...в течение всего XVII в. велась русскими силами работа по изучению обширного края, присоединяемого к Московскому государству, причем изучение происходило на довольно высоком для того времени уровне науки; результаты изучения составили русский вклад в мировую науку по изучению Северной Азии и проливают новый свет на “открытия” по географии, этнографии и истории Сибири, сделанные в первой половине XVIII в.»⁴⁴. Таким образом, автор в качестве предмета изучения определил деятельность ученых людей, исследовавших историю, этнографию и географию Сибири. Эту линию Андреев продолжил на материалах XVIII в. В частности, он подчеркивал значение и результаты работы «пленных шведов» начала XVIII в. по созда-

⁴³ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 15-17.

⁴⁴ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 16.

нию географических карт, деятельность и труды В.Н. Татищева. В тексте диссертации по первой половине XVIII в. изучены маршруты академических экспедиций и представлена монументальная картина результатов деятельности ученых-академиков Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова, Г.В. Стеллера, И.Э. Фишера, Я.И. Линденау на поприще разработки картографических материалов.

А.И. Андреев своей новаторской диссертацией открывал совершенно не изученные до него аспекты освоения Сибири, а также предложил научному сообществу фактически новый тип источниковедческого исследования. По логике автора ученые-первопроходцы XVII-XVIII вв., выступая акторами изучения Сибири, становились деятельными участниками современных им процессов и событий этой российской окраины. Фиксируя их доступными им способами, они, если использовать научную лексику от О.М. Медушевской⁴⁵, создавали совокупность «интеллектуальных продуктов», формировавших «информационную картину» современной им сибирской окраины. Предполагаем: именно эта «информационная картина» и воспринималась автором как предмет его «источниковедения Сибири».

Экспертами диссертации Андреева выступила большая группа ученых-современников. В их состав вошли, прежде всего, официальные оппоненты, а также авторы отзывов о научных трудах Андреева. По всей вероятности, в Институте истории, как академической структуре, подобные отзывы являлись обязательными для организации докторской защиты. Отзывы о его трудах были составлены каждым из оппонентов. Кроме того, отзывы поступили от С.Н. Валка и С.Н. Чернова, входивших в группу учеников Лаппо-Данилевского.

К 1939 г. Андреевым было уже опубликовано более 60-ти научных работ различного жанрового профиля. Все авторы отзывов высоко оценили его научную активность. С.Н. Чернов, в частности, отметил, что сам «список научных работ А.И. Андреева дает любопытнейший очерк его личной ученой биографии». Подчеркнул он и то, что автор диссертации, работая «под непрерывным и суровым руководством покойного А.С. Лаппо-Данилевского» формировался «как источниковед и историк-географ», что требовало от него «огромной выдержки воли, весьма больших и очень разнообразных вспомогательных знаний и совершенной точности работы»⁴⁶.

Оппонентами выступили крупнейшие историки того времени – С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, Б.Д. Греков. Все они представляли Институт истории АН СССР. Их общая оценка диссертации Андреева опиралась на признание его первооткрывателем темы истории и источниковедения Сибири. Бахрушин, в частности, отмечал, что «в отношении источниковедения XVII в. А.И. Андреев в сущности не имеет предшественников <...> его работы в этой области открывают совершенно но-

⁴⁵ Медушевская 2008-б: 348, 349.

⁴⁶ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 49.

вые страницы»⁴⁷. Все подчеркивали безукоризненное знание им архивных фондов и тщательнейшая, скрупулезная его работа с источниками.

Первым оппонировал С.В. Бахрушин, представлявший московскую школу историков. Его собственные интересы в области сибирской истории позволяют полагать, что он задавал тон обсуждению диссертации соискателя. Не случайно, Андреев, выступая после защиты перед коллегами Института народов Севера о ее результатах, особо подчеркнул, что «наиболее сильным по содержанию и наиболее длительным» было именно его выступление. «Это и понятно, – резюмировал он, так как Бахрушин – сибиревед»⁴⁸. Бахрушин высоко оценил достоинства труда историка, когда писал в отзыве: «В итоге кропотливой и безукоризненно четкой работы над текстами автору удалось составить чрезвычайно ценный труд, который дает возможность поставить широко такие актуальные проблемы, как история народов Сибири, этнография Сибири и историческая ее география»⁴⁹.

Но у основного оппонента были и претензии к автору диссертации. В отзыве акцентировались недостатки источниковедческого анализа, связанные с историей происхождения изучаемых им источников: «он не делает попытки изучаемые им памятники связать с эпохой, с явлениями, характерными для того исторического периода, к которому тот или иной источник принадлежит», в некоторых случаях ограничивается «формальным изучением текстов»⁵⁰. Но завершающая оценка вклада Андреева в рассматриваемую им проблематику у Бахрушина была самой высокой: «Работа А.И. Андреева кладет конец несколько кустарным и иногда неряшливым приемам изучения исторических текстов, вводит предельную точность в ряд вопросов, связанных с ними, и с большим знанием и убедительностью разрешает существующие в литературе неясности. Каждое утверждение автора покоится на детальном изучении, грандиозного архивного материала»⁵¹.

Второй оппонент Ю.В. Готье также не мог не оценить научного таланта диссертанта. В отзыве он писал, что работа Андреева «носит печать большой солидности, в ней видна давно выработанная привычка к исследовательскому труду, вдумчивому, серьезному и глубокому, останавливающемуся только тогда, когда все препятствия преодолены и поставленная цель достигнута»⁵². Вместе с тем автор отзыва упрекнул Андреева за склонность к подробностям и излишней детализации изучаемых явлений, доводящей работу до форм «микроскопического» исследования. Привлекательным пассажем отзыва Готье является замечание, близкое нашему взгляду на специфическую жанрово-видовую

⁴⁷ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 52об.

⁴⁸ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 72.

⁴⁹ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 52об.

⁵⁰ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 54.

⁵¹ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 54.

⁵² ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 55об.

принадлежность диссертации Андреева. «Основные линии сибирского источниковедения» с учетом сосредоточенности автора на деятельности «составителей и собирателей» памятников по истории Сибири, давали основание оппоненту предложить корректировку заглавия диссертации понятным словосочетанием «историография Сибири»⁵³.

В оппонентском выступлении Готье подчеркнул не только «глубину» исследования Андреева, но его чрезвычайно «ясные выводы» и «четкие положения». Опыт оппонирования Готье, складывавшийся с дореволюционных времен, научил его воспринимать исследовательскую натуру ученого с позиций научной этики. Диссертацию Андреева он назвал «честным» трудом⁵⁴.

Третьим оппонентом являлся Б.Д. Греков, возглавлявший Институт истории. Его выступление на защите Андреева по характеру и заданному им ракурсу было выполнено в манере, знакомой по докторской защите Присёлкова. В данном случае им была актуализирована тема об А.С. Лаппо-Данилевском как учителе диссертанта. Греков особо акцентируя внимание на его фигуре, предлагал свою версию переоценки научного наследия ученого. Выделив методологическую составляющую его интересов, он поставил под сомнение первостепенную значимость этой стороны научного творчества Лаппо-Данилевского: «жизнь показала <...>, что его методологические труды уже забыты»⁵⁵.

В то же время он подчеркнул востребованность его опыта в области источниковедения. Именно с этой сферой интересов Лаппо-Данилевского он связывал формирование вокруг него круга учеников, выделив среди них двух основных последователей – Валка и Андреева. Для его выступления характерен политический акцент в оценке их научного облика: «эту сторону деятельности Лаппо-Данилевского они продолжают развивать дальше, переводя ее на рельсы уже современной марксистско-ленинской методологии». Не преминул он напомнить и то, что «ученики А.И. Андреева работают уже в нашем Ленинградском отделении Института и работают очень успешно»⁵⁶. Очевидно, Греков имел виду известную ученицу Андреева – К.Н. Сербину. Ее биографы подчеркивают особую роль Грекова в ее судьбе. Он был причастен к освобождению Сербиной вскоре после ее ареста в 1938 г. Он же содействовал принятию ее сотрудником Института истории⁵⁷.

Вполне возможно, что подчеркнутый нами политико-методологический поворот выступления Грекова мог иметь маскировочный характер, предупреждающий возможные претензии, как к диссертанту, так и ко всем участникам защиты. Послевоенная полоса преследований Андреева и Сербиной станет выражением реализации этих его предчувствий.

⁵³ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 56.

⁵⁴ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 480. Л. 15.

⁵⁵ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 480. Л. 16.

⁵⁶ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 480. Л. 16об.

⁵⁷ Алексеев, Семенова 1992: 91; Ананьев 2010: 464.

- ЦГА СПб. Ф.7240 (Присёлков Михаил Дмитриевич). Оп. 12. Д. 1193. [CGA SPb. F.7240 (Prisyolkov Mikhail Dmitrievich). Op. 12. D. 1193].
- ПФА РАН Ф. 934 (Андреев Александр Игнатьевич). Оп. 2. Д. 6, Д. 480. [PFA RAN F. 934 (Andreev Aleksandr Ignat'evich). Op. 2. D. 6, D. 480].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алексеев Ю.Г., Семенова Л.Н. Ксения Николаевна Сербина (1903-1990) // Отечественная история, 1992. №3. С. 81-91 [Alekseev Yu.G., Semenova L.N. Kseniya Nikolaevna Serbina (1903-1990) // Otechestvennaya istoriya, 1992. №3. S. 81-91].
- Ананьев В.Г. Письма К.Н. Сербиной А.И. Андрееву военного времени как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXXI, 2010. С. 456-476 [Anan'ev V.G. Pis'ma K.N. Serbinoy A.I. Andreevu voennogo vremeni kak istoricheskij istochnik // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. T. XXXI, 2010. S. 456-476].
- Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939 (перепечат: 1940). 184 с. [Andreev A.I. Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri. XVII vek. L.: Izd-vo Glavsevmorputi, 1939 (pereplet: 1940). 184 s.].
- Андреев А.И. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред. и со вступ. статей доктора ист. наук А. И. Андреева. М., 1948, 383 с. [Andreev A.I. Russkie otkrytiya v Tihom okeane i Severnoj Amerike v XVIII veke / Pod red. i so vstup. stat'ej doktora ist. nauk A. I. Andreeva. M., 1948, 383 s.].
- Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Изд. 2, испр. и доп. Вып. I: XVII век. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1960. 280 с. [Andreev A.I. Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri. XVII vek. Izd. 2-e, ispr. i dop. Vyp. I: XVII vek. M.-L.: Izd. AN SSSR, 1960. 280 s.].
- Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. II: XVIII век (первая половина). М.: Л.: Наука, 1965. 368 с. [Andreev A.I. Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri. Vyp. II: XVIII vek (pervaya polovina). M.: L.: Nauka, 1965. 368 s.].
- Андреев А.И. Краткий очерк деятельности Кружка по составлению каталога частно-правовых актов до-Петровской Руси // Сборник статей, посвященный Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Петроград: Типография М.М. Стасюлевича, 1916. С. 1-7. [Andreev A.I. Kratkij ocherk deyatelnosti Kruzha po sostavleniyu kataloga chastno-pravovyh aktov do-Petrovskoj Rusi // Sbornik statej, posvyashchennyh Aleksandru Sergeevichu Lappo-Danilevskomu. Petrograd: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1916. S. 1-7].
- Андреев А.И. Отступные грамоты (к истории крестьянского землевладения на севере в XVI в.) // Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. С. 131-181. [Andreev A.I. Otpstupnye gramoty (k istorii krest'yanskogo zemlevladieniya na severe v XVI v.) // Sbornik statej, posvyashchennyh Aleksandru Sergeevichu Lappo-Danilevskomu. Petrograd: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1916. S. 131-181].
- Валк С. Проф. М.Д. Присёлков (некролог) // Историк-марксист, 1941. №4. [Valk S. Prof. M.D. Prisyolkov (nekrolog) // Istoriik-marksist, 1941. №4].
- Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей: XIX-XX вв. СПб: «Дмитрий Буланин», 2011. 928 с. [Vovina-Lebedeva V.G. Shkoly issledovaniya russkih letopisej: XIX-XX vv. SPb: «Dmitrij Bulanin», 2011. 928 s.].
- Жебелёв С.А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. Сост. А.А. Формозов. Публикация текста и комментарии И.В. Тункиной. М., 2002. С. 146-194. [Zhebelyov S.A. Uchenye stepeni v ih proshlom, vozrozhdenie ih v nastoyashchem i grozyashchaya opasnost' ih vyrozhdeniya v budushchem // Ocherki istorii otechestvennoj arheologii. Vyp. III. Sost. A.A. Formozov. Publikaciya teksta i kommentarii I.V. Tunkinoj. M., 2002. S. 146-194].
- Лихачев Д.С. Беседы прежних лет // Наше наследие, 1993. № 27. [Lihachev D.S. Besedy prezhnih let // Nashe nasledie, 1993. № 27.].
- Лурье Я.С. Предисловие // М.Д. Присёлков. История Русского летописания XI-XV вв. СПб, 1996. С. 5-29. [Lur'e Ya.S. Predislovie // M.D. Prisyolkov. Istoriya Russkogo letopisaniya XI-XV vv. SPb, 1996. S. 5-29].
- Магистерский диспут М.Д. Присёлкова в С-Петербургском университете // Научный исторический журнал, 1914. Т.2. Вып. 1 (3). С. 303-308. [Magisterskij disput M.D. Prisyolkova v S-Peterburgskom universitete // Nauchnyj istoricheskij zhurnal, 1914. T.2. Vyp. 1 (3). S. 303-308.].

- Медушевская О.М. История науки как динамический процесс. К 120-летию со дня рождения А.И. Андреева // Вестник РГГУ, 2008а. №4. С. 312-328. [Medushevskaya O.M. Istoriya nauki kak dinamicheskij process. K 120-letiyu so dnya rozhdeniya A.I. Andreeva // Vestnik RGGU, 2008-a. №4. S. 312-328].
- Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: Изд. центр РГГУ, 2008-б. 358 с. [Medushevskaya O.M. Teoriya i metodologiya kognitivnoj istorii. M.: Izd. centr RGGU, 2008-b. 358 s.].
- Преображенский А.А. Творческий путь Александра Игнатьевича Андреева // Археологический ежегодник за 1978. М., 1979. С. 113-121 [Preobrazhenskij A.A. Tvorcheskij put' Aleksandra Ignat'evicha Andreeva // Arheologicheskij ezhegodnik za 1978. M., 1979. S. 113-121].
- Присёлков М.Д. История Русского летописания XI-XV вв. / В.Г. Вовина, подготовка текста, указатели: Я.С. Лурье, предисловие, примечания. СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. 325 с. [Prisyolkov M.D. Istoriya Russkogo letopisaniya XI-XV vv. / V.G. Vovina, podgotovka teksta, ukazateli; YA.S. Lur'e, predislovie, primechaniya. SPb: Izd-vo «Dmitrij Bulanin», 1996. 325 s.].
- Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII в. // Записки историко-филологического факультета Императорского С-Петербургского университета. Часть CXVI. СПб.: Типография М.И. Стасюлевича, 1913. 414 с. [Prisyolkov M.D. Oчерki po cerkovno-politicheskoj istorii Kievskoj Rusi X-XII v. // Zapiski istoriko-filologicheskogo fakulteta Imperatorskogo S-Peterburgskogo universiteta. CHast' CXVI. SPb.: Tipografiya M.I. Stasyulevicha, 1913. 414 s.].
- Сербина К.Н. А.И. Андреев – ученый и педагог (из воспоминаний об учителе) // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1985. Т.17. С. 357-363. [Serbina K.N. A.I. Andreev – uchenyj i pedagog (iz vospominanij ob uchitele) // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. M., 1985. T.17. S. 357-363.].
- Список печатных работ А.И. Андреева // Археографический ежегодник за 1957. М.: Наука, 1958. С. 496–501. [Spisok pechatnyh работ A.I. Andreeva // Arheograficheskij ezhegodnik za 1957. M.: Nauka, 1958. S. 496–501.].
- Яцунский В.К. Краткий очерк жизни и научной деятельности // Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Изд. 2-е, испр. и доп. Вып. I: XVII век. М.-Л., 1960. С. 3-15 [Yacunskij V.K. Kratkij oчерk zhizni i nauchnoj deyatelnosti // Andreev A.I. Oчерki po istochnikovedeniyu Sibiri. XVII vek. Izd. 2-e, ispr. i dop. Vyp. I: M.-L., 1960. S. 3-15.].
- Golder F.A. Bering's Voyages. An account of the Efforts of the Russians to Determine the Relation of Asia and America. N.Y., 2 v.1922-1925.

Алеврас Наталья Николаевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России и зарубежных стран, ФГБОУ ВО «ЧелГУ», vhist@mail.ru

Гришина Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, декан, историко-филологический факультет, ФГБОУ ВО «ЧелГУ», natalyagrishina@mail.ru

Historians of Pre-Revolution Period in the Soviet Dissertation System M.D. Prisyolkov (1939) and A.I. Andreev (1940) Defending the Doctoral Dissertations

The article describes the formation of the Soviet dissertation system (the 1930s). The authors propose a hypothesis that the Soviet dissertation system goes back to the pre-revolution practice of granting a degree. The hypothesis is approved on the dissertation experience of M.D. Prisyolkov and A.I. Andreev. The historians started their scientific career in the pre-revolution period while being granted a doctoral degree at the turn of the 1930s-1940s. Their academic tracks allow the authors not only to evaluate the continuity/discontinuity level of the Soviet dissertation system and the pre-revolution practice but also to trace the formation and updating of historical scientific conceptions in source studies.

Keywords: *Soviet dissertation system, M.D. Prisyolkov, A.I. Andreev, doctoral degree, dispute, source studies*

Natalia N. Alevras, DSc. (History), Professor, Chelyabinsk State University; vhist@mail.ru
Natalia V. Grishina, PhD (History), Dean, Faculty of History And Philology, Chelyabinsk State University, natalyagrishina@mail.ru